

Дагмар Буркхарт (Маннгейм)

ВНУТРИТЕКСТОВАЯ И ВНЕТЕКСТОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ: БОСНИЙСКО-СЕРБСКО-СЛАВОНСКАЯ ПАРАДИГМА*

Начиная с 1971 года в Югославии шли политические чистки, организованные режимом Тито в целях подавления «контрреволюционных происков». Интеллектуалы, художники и литераторы, как предполагалось, вдохновляемые Западом, испытывали на себе влияние цензурного гнета партии. Например, сатирик Бора Чосич был — по причине запрета на печатание его сочинений — с 1972 по 1976 год исключен из «свободной от господства» коммуникации (если воспользоваться термином Хаббермаса, Habermas 1981). Он избрал для себя внутреннюю эмиграцию и продолжал писать без надежды на публикацию своей книги. В конце концов разрешенный к печати в 1978 году постмодернистский текст «*Tutori*» (русское заглавие: «Наставники») представляет собой великолепный образец тематизируемой коммуникации. Пародия на семейную хронику толщиной в 622 страницы состоит из пяти частей, которые — под рубриками «1828», «1871», «1902», «1938» и «1977» — вложены в уста повествователей из разных поколений одной семьи и охватывают в общей сложности 150 лет жизни в многоголосой Славонии. Показательно, что этот текст, отмеченный не только влиянием Джеймса Джойса и Данилы Киша, но и в значительной мере питаемый повседневной коммуникацией (*Gerede* ‘болтовня’, по Хайдеггеру), открывается лексемой *riječ* ‘слово’, — сатирический намек на Евангелие от Иоанна (1:1: «В начале было Слово»), а также на изданный в 1818 году сербский словарь Вука Караджича (*Srpski rječnik*).

Весь роман Чосича оформлен как книга-наставление; в ней приводятся разнообразные обороты устной и письменной речи, а также общая история литературных форм. Из сплетения отсылок к литературным текстам и жанрам, а кроме того, к языку бюрократическому, языку всевозможных инструкций, руководств по ведению домашнего хозяйства, рекламных проспектов, словарей и энциклопедий, порнографии,

* Перевод Галины Потаповой.

хмельных тирад и каламбуров возникает метатекст Чосича как подобие целого мира. А стало быть, язык как вербальное средство коммуникации на деле оказывается подлинным протагонистом «*Tutori*».

Война подразумевает наиболее агрессивный вид коммуникации. Не случайно, например, в немецком языке используется фразеологическое сращение «*die Waffen sprechen lassen*» ‘заставить *говорить* орудия’, а во времена перемирия и мира говорится: «*die Waffen schweigen*» ‘орудия молчат’. Война в Югославии 1991–1995 годов, как и предшествовавший ей рост националистических настроений, привели к разрушению или проблематизации коммуникации в постъюгославских странах.

То, что в эпоху Тито было само собой разумеющимся: успешно функционировавшее общение жителей шести республик, составлявших страну, — теперь оказалось под вопросом. Продемонстрируем это положение дел на двух примерах.

Эмигрировавшая в 1989 году в США писательница Наташа Радойчич (отец — серб, мать — боснийка) описывает в своем автобиографическом паратексте *Writing the Madness of War* (Radojčić 2002/2003), как сначала менялись средства музыкальной коммуникации и как потом прекратилось общение между ней и ее сербскими однокурсниками, потому что она сделалась врагом, как наполовину мусульманка:

I felt it most personally through the music of the time. By the late 1980s the lines at the opera house, where my father had first taken me, were shrinking, and a new kind of music crammed the stores: terribly aggressive turbo-folk, expressing the discontent of a nation gasping for air under the yoke of the disintegrating economy. And then there were my friends at Belgrade's Academy of Arts, where I was a film student. Once, they were sharp, unflinching supporters of free thought; individualist, secularist. Now they were succumbing, lost and hopeless, to the new mantra — “Serbia, Serbia”. My half-Muslim blood rendered me persona non grata at their parties. My phone grew quieter and quieter. Bad things lay ahead.

Общение с родными матери в осажденном Сараево оказалось преврано на пять лет, а скудное питание привело под конец к выпадению зубов и соматическому расстройству коммуникации:

My mother had died in Belgrade, and though I missed her terribly I was actually relieved that she wasn't around to see what was happening. Her Muslim brothers and their Muslim children were under siege in Sarajevo, and the rest of the family would not know if they were alive for close to five years. When I finally spoke to my uncle I didn't recognize his voice: starvation had claimed all of his teeth.

Опубликованный в 2005 году роман Радойчич «You Don't Have to Live Here» (Radojčić 2005; 2005a), который читается и как *road novel* (в манере Джека Керуака), разворачивается на стыке политической истории и субъективного припоминания. Как на отличительный признак «литературы в изгнании» можно указать на симптомы нарушения коммуникации, наблюдаемые у героини романа, когда речь заходит о ее прежней родине, где ей довелось испытать нарастание вражды между мусульманами, хорватами и сербами. Таким образом, Югославия становится постоянно присутствующим топонимом, значение которого подчеркивается *ex negativo* — именно тем, что его избегают. В вожделенном городе Нью-Йорке новоприбывшая Саша любит всё, «even the garbage» («даже мусор»). Напротив, Югославию она ощущает как «не-место» или гетеротоп. Если ее спрашивают, откуда она родом, Саша предпочитает не упоминать Югославию. Взамен того она говорит об «адской дыре, о какой ты еще не слыхивал» («a hellhole you never heard about»), или отвечает на вопрос «Where are you from?» — «Far» («издалека»), — или лжет, утверждая, что она «из Небраски».

С точки зрения коммуникативных проблем не менее интересен дебютный фильм Даниса Тановича «No Man's Land» («Ничья земля», боснийское название: *Ničija zemlja*, 2001; совместное производство: Бельгия, Босния, Англия, Франция, Италия, Словения, см. Tanović 2001), в 2002 году удостоенный «Оскара». Танович, который вплоть до своей эмиграции в Бельгию (1994) работал как документалист для «Кинофотоархива вооруженных сил Боснии», выступил не только как режиссер фильма, но также как сценарист и автор музыки.

Проникнутая ненавистью к войне кинолента «No Man's Land» (далее: NML) — это произведение многоплановое, подключающееся одновременно к целому ряду дискурсов. Наряду с историко-политическим дискурсом и такими проблемами, как «война и мир» или «вина и невиновность», затрагиваются дискурсы психо-социальные, фокусирующие внимание на оппозиции «ненависть и эмпатия», а также на возможностях коммуникации. Развертывающееся на грани реализма и абсурда действие фильма «No Man's Land» приурочено ко времени Боснийской войны.

На примере сербских и боснийских солдат, волею случая оказавшихся в непосредственной близости друг к другу, в старой траншее на нейтральной полосе, NML демонстрирует абсурдность братоубийствен-

ной войны. Помимо всего прочего, этот антивоенный фильм критически освещает неоднозначную роль солдат-миротворцев ООН, а также недобросовестные преувеличения, встречавшиеся в средствах массовой информации в годы войны в Югославии.

Сатирически рисуя войну, NML делает очевидной бессмыслицу военной конфронтации: дело в том, что никто из простых солдат враждующих сторон не знает, за что и почему, собственно, ведется война. Исходя из этого, фильм семантизирует личностные сходства и взаимоотражения.

Сходство сражающихся бойцов состоит в том, что все вместе они являются жертвами жестокого механизма войны — и они сами, без малейшего идеализма, воспринимают себя в этой роли. Их вынужденное пребывание в траншее иногда даже приводит к взаимопониманию. Диалог, ведущийся между сербом Нино и боснийцем Чики на общем для них языке, выявляет не только точки соприкосновения в плане биографическом, но и более существенную общность между боснийскими сербами и босняками-мусульманами, так как оба персонажа могут считаться в известном смысле представителями своих сторон. Благодаря этому абсурд братоубийственной войны выступает еще резче.

Беседа, то и дело становящаяся довольно непринужденной («симметричная коммуникация», по Вацлавику, Watzlawick 1967), заставляет думать, что Нино и Чики — чьи абсолютно негероические имена отсылают зрителя к героям-паяцам Гого и Диди из беккетовского претекста «В ожидании Годо» — в других условиях могли бы стать если не друзьями, то хотя бы мирно сосуществующими и общающимися соседями.

Если общение оказавшихся в одной траншее ведется на общем для них языке, то коммуникация с представителями Объединенных Наций осуществляется по-английски или на (чреватом недоразумениями) языке жестов, так как ни боснийцы, ни сербы не понимают французского языка солдат ООН. Это означает, что в фильме выводится на поверхность противоречивое соотношение «близости» и «далекости» персонажей: междоусобную войну ведут те, кто на деле стоят ближе всего друг к другу. Траншея в качестве центральной метафоры фильма NML реализует свое значение и как бездна, лежащая между людьми и затрудняющая их общение, и в то же время как могила. Не раз слышащееся в NML жужжание мух делает возможным метафорическое сопоставление окопа и могилы; подобным образом мотив кладбища у Ремарка и мотив разлагающегося трупа у Гаршина и Барбюса реализовали изотопию «смерть».

Вывод из предложенного выше анализа текстов и фильма гласит: коммуникация без вмешательства цензуры — это понимание и мир; и напротив, отсутствие коммуникации или тем паче ее запрет приводят к вражде, а при неблагоприятном развитии событий — к войне и смерти.

ЛИТЕРАТУРА

- Ćosić 1978 — *Ćosić B.* Tutori. Beograd: Nolit, 1978.
- Habermas 1981 — *Habermas J.* Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt: Suhrkamp, 1981.
- Radojčić 2002/2003 — *Radojčić N.* Writing the Madness of War // Boston Review. <http://bostonreview.net/december-2002january-2003> (дата доступа: 03.03.2018).
- Radojčić 2005 — *Radojčić N.* You Don't Have to Live Here. New York: Random House, 2005.
- Radojčić 2005a — *Radojčić N.* Ti ovde ne moraš da živiš / Pajvančić N. (prevod). Beograd: Laguna, 2005.
- Tanović 2001 — *Tanović D.* Ničija zemlja / No Man's Land. Baschet, M. & Dumas-Zajdela, F. & Kollar, C. (Producers), & Tanović, D. (Director). (2001) Bosnia and Hercegovina, France, Slovenia, Italy, UK, Belgium: Arsenal, MGM.
- Watzlawick 1967 — *Watzlawick P.* Menschliche Kommunikation. Bern: Huber, 1967.